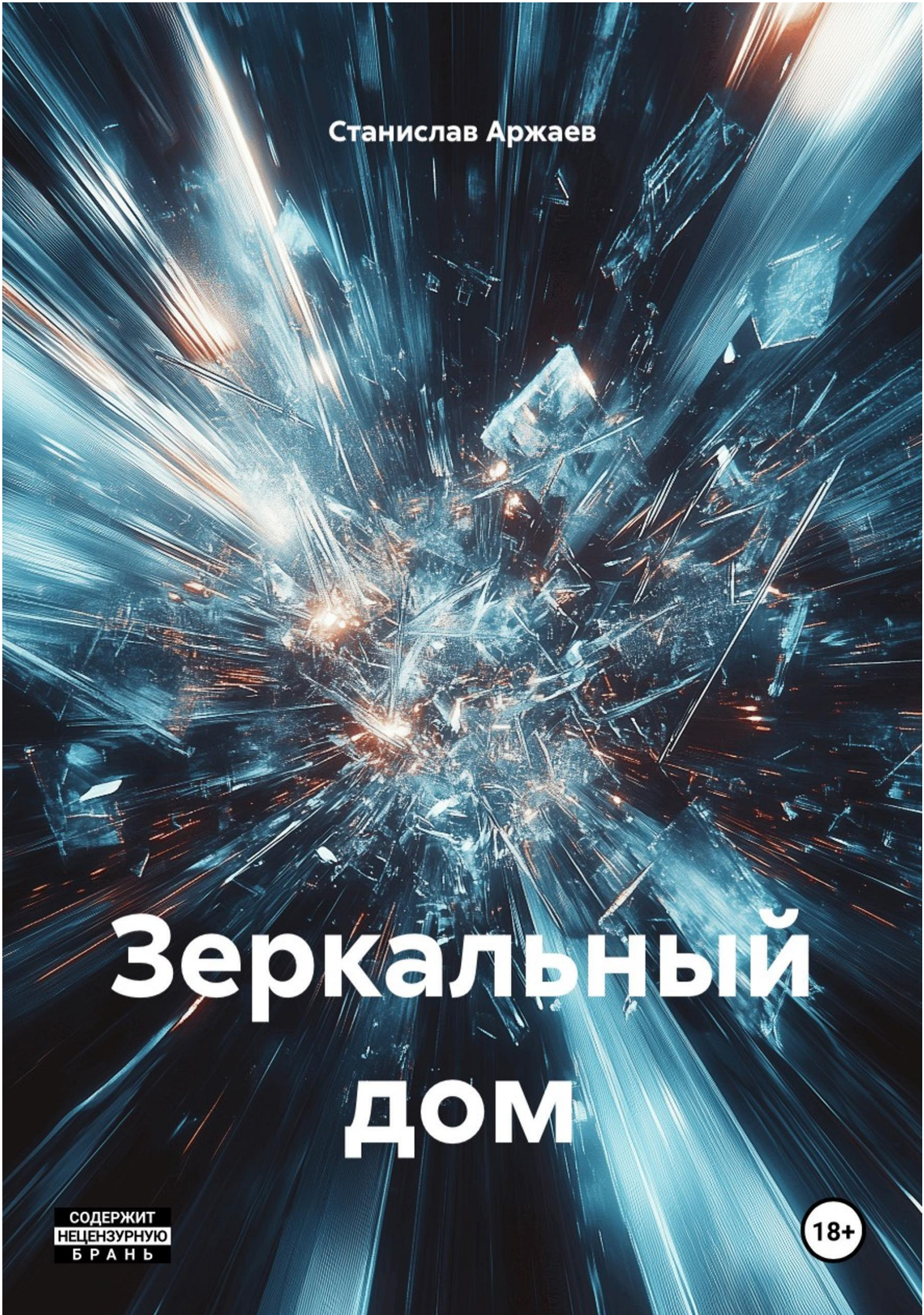

Станислав Аржаев
Зеркальный дом
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Станислав Аржаев

Зеркальный дом

«Автор»
2026

Аржаев С.

Зеркальный дом / С. Аржаев — «Автор», 2026

Впервые Анна Корвина поняла, что с ней что-то не так, за месяц до пожара.Она стояла в своей мастерской на Лиговском, перед старым зеркалом в тяжёлой дубовой раме — тем самым, которое купила на блошином рынке в Удельной. Зеркало было тёмное, с червоточинами, с амальгамой, потрескавшейся по краям, но Анна любила его за то, что оно не льстило. В нём всё выглядело чуть мрачнее, чуть старше, чуть честнее, чем в жизни.В тот вечер она закончила витраж для детской больницы — «Сад с птицами», триптих. Стекло она плавила сама, в маленькой печи, которую Илья построил ей в углу мастерской. Она устала. Руки дрожали. Она подошла к зеркалу, чтобы поправить волосы, и вдруг поняла, что её отражение моргнуло не одновременно с ней.Анна замерла.Отражение тоже замерло. Но на полсекунды позже.— Показалось, — сказала она вслух.Отражение сказало то же самое. Но снова — с опозданием. Совсем крошечным. Таким, что можно было списать на усталость.Анна отошла от зеркала.

© Аржаев С., 2026
© Автор, 2026

Станислав Аржаев
Зеркальный дом

Пролог. Женщина, которая не отражалась

Впервые Анна Корвина поняла, что с ней что-то не так, за месяц до пожара.

Она стояла в своей мастерской на Лиговском, перед старым зеркалом в тяжёлой дубовой раме — тем самым, которое купила на блошином рынке в Удельной три года назад. Зеркало было тёмное, с червоточинами, с амальгамой, потрескавшейся по краям, но Анна любила его за то, что оно не льстило. В нём всё выглядело чуть мрачнее, чуть старше, чуть честнее, чем в жизни.

В тот вечер она закончила витраж для детской больницы — «Сад с птицами», триптих. Стекло она плавила сама, в маленькой печи, которую Илья построил ей в углу мастерской. Печь была старой, с трещиной в дверце, но Анна не хотела менять — она привыкла к её запаху, к её теплу, к тому, как она гудит по ночам, как живая.

Она устала. Руки дрожали. Она подошла к зеркалу, чтобы поправить волосы, и вдруг поняла, что её отражение моргнуло не одновременно с ней.

Анна замерла.

Отражение тоже замерло. Но на полсекунды позже.

— Показалось, — сказала она вслух.

Отражение сказало то же самое. Но снова — с опозданием. Совсем крошечным. Таким, что можно было списать на усталость.

Анна отошла от зеркала. Села на стул. Закрыла глаза. Она не была суеверной. Она была стеклодувом. Она знала: стекло — это просто материал. Оно отражает свет. Оно не хранит душу. Оно не помнит. Оно просто есть.

Но когда она снова открыла глаза, отражение в зеркале уже не сидело на стуле. Оно стояло. И смотрело на неё.

— Ты не я, — прошептала Анна.

Отражение улыбнулось.

— Я — это ты, — сказало оно. — Только лучше.

Анна вскочила. Она схватила молоток — тот самый, которым потом разбивали фигуры в «Стеклянном саду», — и ударила по зеркалу. Стекло треснуло. Но не рассыпалось. Трещина прошла по центру, разделив отражение на две половины. В одной половине была Анна. В другой — что-то другое. Что-то, что улыбалось.

— Ты пожалеешь, — сказало оно. — Ты пожалеешь, что не позволила мне выйти.

Анна выбежала из мастерской. Она бежала по Лиговскому, не разбирая дороги, и думала только об одном: она должна рассказать Илье. Она должна предупредить его. Она должна...

Но когда она вернулась домой, Илья спал. Он спал беспокойно, как всегда, — ворочался, что-то бормотал, сжимал подушку. Анна стояла в дверях спальни и смотрела на него. Она думала: «Он устал. Он не спит уже неделю. Я не буду его будить. Утром расскажу. Утром всё будет нормально».

Она легла рядом. Закрыла глаза. И всю ночь ей казалось, что кто-то стоит в углу комнаты. Кто-то, кого она не видит. Кто-то, кто ждёт.

Утром она вернулась в мастерскую. Зеркало стояло на месте. Трещина исчезла. Отражение было нормальным. Анна посмотрела на себя и улыбнулась.

— Показалось, — сказала она.

Это была её последняя ошибка.

Через месяц мастерская сгорела. Пожарные сказали: короткое замыкание. Газовый баллон. Несчастный случай. Илья не поверил. Он стоял на улице, смотрел на чёрные окна подвала и думал: стекло не горит. Оно плавится. Оно течёт. Оно застывает в новых формах.

Анну нашли среди осколков. Её лицо было покрыто тонкой сеткой трещин — как будто она сама стала стеклом.

Но тело так и не нашли.

Илья провёл три дня в морге, пытаясь опознать то, что осталось. Осколки. Кусок ткани. Обгоревшая рука. Он смотрел на это и не мог поверить. Это была не Анна. Анна была живой. Анна смеялась. Анна говорила: «Я не боюсь умереть. Я боюсь, что после меня ничего не останется».

— Ты осталась, — сказал Илья в пустоту. — Ты осталась во мне. Этого достаточно.

Он ошибался. Этого было недостаточно.

Часть первая. ОТРАЖЕНИЯ

Глава первая. Илья. Человек, который не верил зеркалам

После «Стеклянного сада» и «Восковой обители» Илья Корвин перестал смотреться в зеркала.

Он не думал об этом как о решении. Просто в какой-то момент заметил, что обходит зеркала стороной. В ванной — моется, не поднимая глаз. В прихожей — смотрит на пол. В машине — опускает козырёк. Он не знал, почему. Может, боялся увидеть в отражении что-то, чего не было в реальности. Может, боялся, что отражение окажется честнее его самого.

Лиза Берг заметила это первой.

— Ты не смотришь в зеркала, — сказала она однажды утром, когда они пили чай в «Стеклянном саду».

— Смотрю. Иногда.

— Врёшь. Ты в ванной даже свет не включаешь. Моешься в темноте.

Илья помолчал.

— Мне так спокойнее.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что там. За стеклом. Может, там я. А может, что-то другое.

Лиза посмотрела на него. Долго. Она сидела напротив, в старом кресле, с чашкой чая в руках, и смотрела на него так, как смотрят на человека, которого любят, но который этого не замечает.

— Ты думаешь об Анне?

— Думаю.

— Ты думаешь, она там? В зеркале?

Илья не ответил. Он думал об этом каждый день. С тех пор как прочитал последнюю запись Берга-старшего: «Стекло — это не материал. Это сосуд. Вопрос только в том, что в него наливают. Я налил любовь. А любовь не может быть проклятием».

Анна была стеклодувом. Она знала технику. Она могла «сохранить» себя. Или её могли «сохранить». И если она была где-то — то где? В стекле? В воске? В зеркале?

Он не знал. Но он искал.

Он начал с архивов. Провёл три недели в Российской национальной библиотеке, изучая всё, что было связано с «сохранением души в материальных объектах». Он читал старые книги по алхимии, трактаты по стеклодувному делу, дневники мастеров. Он находил упоминания о Берге-старшем. О Берге-младшем. О Дювале. О других мастерах — венских, венецианских, богемских. Он составил список из двадцати трёх имён. И в каждом из них было что-то общее: все они работали со стеклом, воском или зеркалами. Все они потеряли кого-то близкого. И все они пытались сохранить его. Так или иначе.

Анна была в этом списке. Но не как жертва. Как мастер. Она знала технику. Она могла создать сосуд. И она могла войти в него. Добровольно. Чтобы спастись от чего-то. Или от кого-то.

Илья не знал, от кого. Но он собирался выяснить.

Он не спал. Снова. Бессонница вернулась через неделю после возвращения из Твери. Он лежал ночами, смотрел в потолок и слушал, как в соседней комнате Лиза ворочается во сне. Она тоже не спала. Она тоже боялась. Но она не говорила об этом. И он не говорил.

Они жили как два призрака в доме, который не хотел их отпускать. «Стеклянный сад» стал их убежищем. Или тюрьмой. Они не знали. Они просто были. Как стеклянные фигуры на полках. Как Алёша с дудочкой. Как все, кто не мог уйти.

Однажды ночью Илья встал. Пошёл в оранжерею. Сел на пол. Посмотрел на фигуры. На мальчика с дудочкой. На женщину в платье с высоким воротом. На кошку с поднятой лапой.

— Вы знали её? — спросил он. — Анну. Вы знали её?

Фигуры молчали. Но где-то в глубине оранжереи — там, где стояли самые старые фигуры, — тихо звякнуло стекло. Один короткий, почти вежливый звук.

Илья посмотрел туда. Там, на нижней полке, стояла фигура женщины. Молодой. Лет тридцати. Светлые волосы. Серые глаза. Улыбка, которую он знал.

— Анна? — прошептал он.

Фигура не ответила. Но улыбка стала шире. Или ему показалось. Он не был уверен. Он вообще ни в чём не был уверен.

Через три недели после Твери позвонил Шульц.

— Илья Андреевич, — сказал он. Голос у него был странный. Не пьяный. Трезвый. И от этого ещё более тревожный. — Мне нужно с вами поговорить. Не по телефону. Приезжайте в Петербург. И привезите Лизу.

— Что случилось?

— Есть один человек. Александр Вельяминов. Коллекционер. Он собирает... — Шульц замялся. — Он собирает то, что вы ищете. Зеркала. Старые. С XIX века. И в одном из них — я думаю — ваша жена.

Илья замер.

— Вы уверены?

— Нет. Но я видел фотографию. В его каталоге. Женщина. В мастерской. Стеклодув. Похожа на вашу Анну. Очень похожа.

Илья закрыл глаза. В груди что-то сжалось. Не боль. Не радость. Что-то среднее. Надежда.

— Я приеду, — сказал он.

— Только будьте осторожны, — сказал Шульц. — Вельяминов — не Берг. Он не сумасшедший. Он умный. Он опасный. И он не хочет отдавать то, что у него есть.

— Почему?

— Потому что он сам в зеркале. Уже двадцать лет. И он не хочет выходить. Ему нравится. Ему нравится быть отражением. Потому что отражение — идеально. А он — нет.

Илья помолчал. Потом сказал:

— Шульц. Вы знаете, кто такой Дюваль?

На том конце провода повисла пауза. Долгая. Потом Шульц сказал тихо:

— Откуда вы знаете это имя?

— Из книг. Я нашёл упоминания. Жан-Луи Дюваль. Француз. XVIII век. Мастер зеркал. Он создал технику. Он же создал и первую ловушку. И он до сих пор жив. В своём зеркале.

Шульц помолчал.

— Вы слишком много знаете, Илья Андреевич. Это опасно.

— Я знаю. Но я должен знать больше. Потому что если Анна там — она не просто в зеркале. Она в зеркале Дюваля. А это значит, что она может быть частью чего-то большего.

— Чего?

— Коллекции. Не Вельяминова. Дюваля. Дюваль собирает души. Он не просто сохраняет. Он коллекционирует. И Анна — одна из его экспонатов.

Шульц долго молчал. Потом сказал:

— Приезжайте. Немедленно. И не говорите Вельяминову про Дюваля. Он не знает. Он думает, что его зеркало — просто зеркало. Если он узнает, что внутри — Дюваль, он сойдёт с ума. Или хуже.

— Что может быть хуже?

— Он может открыть дверь. И тогда Дюваль выйдет. И заберёт всех. Всех, кто в зеркалах. Всех, кто в стекле. Всех, кто в воске. Он заберёт всё. И тогда конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.